

ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПУТЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОЙ ОЦЕНКИ*

DOI: 10.20542/2307-1494-2019-2-88-103

Аннотация В статье рассматривается современный международно-правовой режим оценки внешнего вмешательства во внутренние дела государства. Основное внимание уделено тем особенностям этого режима, которые появились в связи с развитием современных информационных технологий и расширением арсенала средств информационного противодействия. Различные формы прямого или косвенного вмешательства, угрожающего суверенной правосубъектности и политической независимости государств, в основном получали свою нормативную оценку в межгосударственной практике. Например, модель правового режима применения силы в международных отношениях, как правило, сводится к поиску политического баланса между применяемыми нормами в зависимости от используемых средств и способов применения силы. Однако появление и развитие способов внешнего вмешательства, реализуемого с помощью информационных технологий, поднимают вопрос о недостаточности существующего нормативного механизма, и, следовательно, о возможном уходе от международной ответственности за посягательство на суверенитет государств, являющихся объектами вмешательства.

Ключевые слова международное право, ООН, интервенция, невоенные средства принуждения, информационные технологии, информационное вмешательство, обычное международное право, международное гуманитарное право

Title Foreign interference through information action: the problem of normative assessment

Abstract The article looks at the current international legal regime for assessing foreign interference in the internal affairs of sovereign states. The main focus is on those features of this regime that stem from development of modern information technologies and the expanding range of information countermeasures. Direct or indirect, armed or other external interference or intervention that threaten sovereign legal status and political independence of states have been primarily assessed in the framework of interstate relations. As a rule, legal regime for the use of force in international relations has been reduced to a search for political balance of applicable norms, depending on the means and methods of the use of force. However, the emergence of new forms and methods of interference that rely on the use of information technologies proves existing regulatory mechanisms insufficient. This may lead to adjudication of international responsibility for infringements on sovereignty of states subjected to such interference.

Keywords International Law, United Nations, intervention, non-military means of enforcement, information technologies, information interference, Customary International Law, International Humanitarian Law

---

Коростелев Станислав Валентинович – доцент кафедры международных гуманитарных связей факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) 19-011-00156 А «Легитимация вмешательства во внутренние вооруженные конфликты (международные правовые аспекты)».

I. Методология правовой оценки интервенции и вмешательства

Различные формы прямого или косвенного вмешательства, угрожающего суверенной правосубъектности и политической независимости государств, нередко получали свою оценку в межгосударственной практике. Единый подход к противодействию такого рода угрозам подробно сформулирован в соответствующих резолюциях Генеральной ассамблеи ООН. Позиции великих держав по данному вопросу согласуются в рамках дискуссий в Совете Безопасности (СБ) ООН. Необходимо, однако, отметить, что до сих пор в документах СБ ООН консенсуса по вопросу такого вмешательства не наблюдается.

Проблема внешнего вмешательства во внутренние дела государства несколько раз становилась предметом рассмотрения Международного Суда ООН. Суд обозначил некоторые качественные «пороги», необходимые для определения феномена «вмешательства», и оценил возможности присвоения международно-правовой ответственности за посягательство на суверенитет объекта вмешательства. Тем не менее проблема противодействия вмешательству во внутренние дела государства продолжает оставаться недостаточно проработанной в международном праве.

«Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»¹ (1981 г.) использует два термина – “intervention” и “interference”, которые во многих случаях могут одинаково переводиться как «вмешательство». В тексте декларации 1981 г. они переводятся, соответственно, как «интервенция» и «вмешательство» без проведения между ними каких-либо формальных границ.

«Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета»² (1965 г.) подразделяет виды вмешательства на вооруженную интервенцию (“armed intervention”), которая рассматривается как синоним «агрессии», и все остальные формы прямого или косвенного вмешательства (“interference”). В тексте данной декларации используются и такие термины, как «прямое вмешательство» (“direct intervention”), «подрывные действия» (“subversion”) и «все формы косвенного вмешательства» (“indirect intervention”).

Для целей данной статьи предлагается определять «интервенцию» (“intervention”) как применение силы, т. е. вмешательство с использованием средств и методов ведения военных действий, а «вмешательство» (“interference”) – как воздействие на то или иное государство с использованием экономических, дипломатических и иных «невоенных» средств. Такая классификация соответствует парадигме “DIMEFIL”,³ которую используют для описания средств, находящихся в распоряжении государства при проведении им внешней политики: дипломатических, (diplomatic), информационных (informational), военных (military), экономических (economic), финансовых (financial), разведывательных (intelligence), правоохранительных (law enforcement).

Современный международный правовой режим, в основе которого лежат положения Устава ООН, определяет, что ни одно государство не имеет права по какой бы то ни было причине прямо или косвенно вмешиваться во внутренние и внешние дела другого государства. На основе обязанностей государств, вытекающих из их общих интересов, отраженных в вышеупомянутых декларациях и ряде других документов ООН,⁴ можно выделить цели, формы и способы вмешательства в широком смысле.

Цели вмешательства включают:

– нарушение территориальной неприкосновенности, международно

признанных границ, политического, социального или экономического порядка государств;

– свержение или изменение политической системы других государств или их правительств;

– порождение напряженности между двумя или более государствами;

– лишение народов их национальной самобытности и культурного наследия.⁵

Формы вмешательства могут включать:

– вооруженную интервенцию;

– военную оккупацию или какие-либо иные формы интервенции и вмешательства, явные или скрытые, направленные против другого государства либо группы государств или любые акты военного, политического или экономического вмешательства во внутренние дела другого государства, включая акты репрессалий с использованием силы;

– подрывную деятельность.⁶

Среди способов и методов вмешательства выделяются следующие:

– предоставление территории государства для ее использования каким-либо образом, который нарушал бы суверенитет, политическую независимость, территориальную неприкосновенность и национальное единство или нарушал бы политическую, экономическую и социальную стабильность другого государства;⁷

– осуществление любых насильственных действий, которые лишают находящиеся под колониальным господством или иностранной оккупацией народы их права на самоопределение, свободу и независимость;⁸

– осуществление под каким бы то ни было предлогом любых действий или попыток, направленных на дестабилизацию или подрыв стабильности другого государства или любого из его институтов;⁹

– прямое или косвенное содействие, а также поощрение или поддержка мятежной или сепаратистской деятельности в других государствах под каким бы то ни было предлогом или какие-либо действия, направленные на нарушение единства, подрыв или свержение политического строя других государств;¹⁰

– финансирование и вербовка наемников на своей территории для их обучения или засылки на территорию другого государства; предоставление средств, включая финансирование, для оснащения и транзита наемников;¹¹

– заключение соглашений с другими государствами с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние и внешние дела третьих государств;¹²

– осуществление каких-либо мер в контексте конфронтации между великими державами, которые привели бы к укреплению существующих военных блоков или к созданию или укреплению новых военных союзов, договоренностей о взаимных обязательствах, развертыванию интервенционистских сил или созданию военных баз и других связанных с ними военных сооружений;¹³

– осуществление любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств;¹⁴

– осуществление во внешней политике любых мер в экономической, социальной, технической и торговой областях, которые в нарушение Устава ООН могут представлять собой применение силы или вмешательство во внутренние или внешние дела другого государства, препятствуя ему тем самым свободно определять свое политическое, экономическое и социальное развитие. Такого рода недобросовестные меры могут реализовываться путем использования в качестве средств политического давления или принуждения другого государства программ

внешней экономической помощи, осуществления многосторонних или односторонних экономических репрессалий или блокад, использования находящихся под юрисдикцией или контролем вмешивающегося государства транснациональных или многонациональных корпораций;¹⁵

– использование вопросов о правах человека в качестве средства вмешательства во внутренние дела государств, оказания давления на другие государства или создания атмосферы недоверия и беспорядка в пределах государств и между государствами или группами государств;¹⁶

– использование практики терроризма в качестве государственной политики против других государств или против народов, находящихся под колониальным господством, иностранной оккупацией или под гнетом расистских режимов. Речь идет в т. ч. о недопущении использования и предоставления какой-либо помощи террористическим и диверсионным группам или лицам, ведущих подрывную деятельность против третьих государств или проявление терпимости в отношении к ним;¹⁷

– организация, обучение, финансирование или вооружение политических и этнических групп на своей территории или территории других государств с целью осуществления подрывной деятельности, организации беспорядков или волнений в других странах;¹⁸

– осуществление любой экономической, политической или военной деятельности на территории другого государства без его согласия.¹⁹

Несмотря на то, что такая классификация способов вмешательства появилась достаточно давно, она сохраняет свою актуальность, в т. ч. при анализе информационного воздействия (ИВ), или информационного вмешательства, посягающего на суверенитет государства.

Любое применение или угроза применения силы всегда оцениваются в контексте международной обстановки и внешнеполитических целей государств. Более того, постоянно возникают некие новые обстоятельства, ввиду которых обращение к силе преподносится как оправданное. Многие критерии определения правомерности применения силы учитываются именно в контексте и в сочетании с такими «новыми» или «исключительными» обстоятельствами. Невозможность избежать подобных ситуаций и тяжесть их потенциальных последствий, равно как и доступность средств принуждения, всегда учитываются при решении вопроса о принятии ответных мер.

За прошедшее после принятия Устава ООН время процесс определения содержания понятия «применение силы» продолжал развиваться. Очевидно, что этот термин относится к применению не только вооруженной силы, хотя в Преамбуле Устава ООН акцент сделан именно на необходимости «... объединить наши силы для поддержания международного мира и безопасности и обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах...».²⁰

Следует согласиться с мнением американского специалиста Майкла Шмитта, который утверждает, что «Статьи Устава ООН написаны таким образом, чтобы обеспечить эффективность исполнения провозглашенных в Преамбуле намерений».²¹ Таким образом, представляется логичным то, что термины преамбулы должны интерпретироваться более широко. Статья 44 гласит, что «когда Совет Безопасности решил применить силу, то прежде чем потребовать от Члена Организации, не представленного в Совете, предоставления вооруженных сил во исполнение обязательств, принятых им на основании Статьи 43, Совет Безопасности приглашает этого Члена Организации, если последний этого

пожелает, принять участие в решениях Совета Безопасности относительно использования контингентов вооруженных сил данного Члена Организации».²² Кроме того, устав упоминает о мерах военного характера лишь дважды: оба раза тогда, когда в Главе VII говорится о принудительных коллективных мерах, являющихся только одним компонентом из набора тех принудительных средств, которые находятся в распоряжении СБ ООН для ответа на возникновение угрозы миру, нарушение мира или акт агрессии. Следовательно, односторонние меры за исключением случаев самообороны (статья 51)²³ уставом не квалифицируются.

Некоторые другие международно-правовые документы более четко формулируют содержание понятия «сила». Например, Устав Организации американских государств (ОАГ) различает «вооруженную силу» и «принудительные меры экономического или политического характера».²⁴ Декларация 1987 г. «Об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях» демонстрирует аналогичный подход.²⁵ Пункт 7 части I декларации упоминает «вооруженное вмешательство» совместно со всеми «другими формами вмешательства или попыток угрозы, направленных против правосубъектности государства или его политических, экономических или культурных основ». При этом ни одно государство не должно применять каких-либо мер с «целью подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ» (пункт 8 части I). Декларация также не дает разъяснений термину «сила», но ее общая направленность указывает на то, что под «применением силы» все-таки следует понимать использование именно «вооруженной силы», хотя в документе также отвергается экономическое и политическое принуждение (статьи 18–19).²⁶

Таким образом, запрет на применение силы и угрозы силой распространяется на меры вооруженного характера, но никоим образом не на меры экономического и политического характера. Однако под мерами военного характера не следует понимать лишь непосредственное физическое (кинетическое) воздействие оружием. Когда создавались ныне действующие документы международного права, никто не мог предвидеть появления новых средств и способов противоборства, включая информационное воздействие, поэтому довольно сложно искать в этих документах аргументы в пользу правомерности или неправомерности применения таких средств и способов. Если последствия применения новых средств и методов ведения войны подпадают под налагаемые международным гуманитарным правом (МГП) ограничения (т. е. если такие последствия аналогичны результатам применения традиционных средств и методов ведения войны), то их можно напрямую увязать с ограничениями Устава ООН.

Однако совершенно иной, отличный от традиционного понимания, подход оценки правомерности применения силы был продемонстрирован при рассмотрении Международным Судом «дела Никарагуа». Международный Суд определил, что «вооружение и обучение “контрас” определенно создает угрозу использования силы против правительства Никарагуа, но это не обязательно относится ко всем видам помощи, предоставленной правительством США. В частности, Суд полагает, что только лишь финансирование “контрас”, несомненно являющееся вмешательством во внутренние дела Никарагуа..., не может быть само по себе приравнено к применению силы».²⁷

В материалах Суда определение состава применения силы несколько отличается от традиционных толкований Устава ООН. Суд определил, что «сила» включает активные и непосредственные действия по подготовке других лиц к применению вооруженной силы не только путем их финансирования. В положениях

же Устава ООН проводится различие между мерами военного характера и иными мерами принуждения.

Со времени принятия Устава ООН применение данной системы принципов носило заявительный характер. Определение того, является ли какое-либо действие нарушением норм устава, зависело, прежде всего, от того, какие меры принуждения использовались для достижения национальных целей: дипломатические, экономические или военные. Если первые два вида мер обычно расцениваются лишь как вмешательство, то военные меры всегда воспринимаются более жестко, даже если предпринимаются в интересах мирового сообщества.

Как это ни удивительно, Устав ООН в таких случаях предписывает применять меры прежде всего военного характера, но не экономическое давление. Как возникло такое предписание? Международное право, регламентирующее принуждение, всегда старается избежать наступления нежелательных последствий. Кроме того, нормативные установления изменяются вместе с эволюцией воззрений международного сообщества на содержание общемировых ценностей. При создании Устава ООН учитывались результаты Второй мировой войны и приведшие к ней причины, среди которых были, например, экономические меры, препятствовавшие выходу Германии и Японии на международные рынки. Вместе с тем, очевидно, что стремление к безопасному существованию и соблюдению человеческого достоинства в настоящее время и в обозримом будущем продолжают преобладать над любыми нормативными предписаниями. Таким образом, существует определенная иерархия потребностей человечества, которая и определяет направление развития международной системы. Защита желаемых ценностей может быть обеспечена только в рамках системы государств, с использованием их возможностей по осуществлению принуждения в отношении других государств, а не за счет возможностей международных организаций.

Запрет на применение силы в международных отношениях направлен на то, чтобы *ограничить деятельность тех акторов, которые, будучи не в состоянии адекватно оценить последствия своего обращения к силе, могут вывести международную систему из равновесия*. Проблема усугубляется тем, что нормативных критериев для таких оценок не существует. До настоящего времени не решены вопросы практической оценки тяжести последствий нарушения государствами принципа неприменения силы. Руководствуясь нормами Устава ООН, можно лишь определить то, имело ли место применение силы или нет, но не установить последствия такого нарушения.

Применение силы, причем не только военной, может вызвать совершенно различные результаты в зависимости от используемых средств и масштаба ведения действий, предпринимаемых для поражения целей. Даже задействование экономических мер может не только породить трудности в экономике государства, подвергаемого воздействию, но и, например, привести ее к полному коллапсу.

Тем не менее нормативная оценка любых действий должна, прежде всего, исходить из применяемых средств поражения, но не из характера цели, поскольку всегда важны только последствия применения того или иного вида средств поражения. Вооруженные меры обычно влекут за собой физические разрушения, тогда как экономические или политические меры не ведут к столь же очевидным и просчитываемым последствиям. Риск разрастания конфликта в случае применения вооруженных мер всегда выше, чем в случае задействования чисто экономических или политических мер, поскольку в первом случае удар наносится по стоящим на самой вершине иерархии ценностям – по праву жить в безопасной от физического уничтожения среде. Результаты военного воздействия становятся очевидными

немедленно, тогда как некоторые последствия политических и экономических мер иногда сказываются лишь спустя значительный период времени. Причины и последствия применения невоенных мер принуждения порой довольно сложно увязать между собой. После начала использования невоенных мер может пройти длительное время, за которое произойдет их наложение на воздействие каких-либо других факторов, что может свести на нет эффективность упомянутых мер. Кроме того, стороны могут изменить курс своих действий, что, опять-таки, способно сгладить последствия применения данных мер.

Поскольку результаты воздействия экономических и политических средств давления представляют менее явную угрозу для общемировых ценностей, по сравнению с военными средствами, правила применения силы должны исходить из того, что невоенные (т. е. экономические и политические) меры всегда предпочтительней. Опираясь на вышеизложенные соображения, по последствиям применения принудительные меры могут быть разделены на две группы: (1) военно-силовые и (2) иные, посягающие на менее значимые ценности человечества.

II. Проблема ответственности за информационное вмешательство

Информационное противоборство не вписывается в содержащуюся в Уставе ООН классификацию, так как его трудно четко отнести к какому-то одному из видов принуждения. Последствия использования информационных средств могут быть как совершенно незначительными, так и катастрофическими; затрагивать как индивидов, так и крупные социальные группы, а также государства.

Необходимо отметить, что статья 41 Устава ООН²⁸ относит разрыв коммуникационных связей к мерам «невоенного характера». Очевидно, что некоторые виды информационных действий подпадают под данное определение. Однако существуют и другие виды информационного воздействия. Поскольку разработчики Устава ООН не могли предвидеть появления новых форм вооруженной борьбы, связанных, например, с применением ядерного оружия, на основании статьи 41 Устава ООН нельзя сделать однозначный вывод о том, что ИВ не является военной мерой. Как в таком случае определить, является ли ИВ вооруженным нападением либо применением силы иного рода? Можно ли говорить о том, что в настоящее время идет процесс создания новых норм международных отношений в рассматриваемой области, в отсутствие сложившейся практики государств в сфере обычного международного права (ОМП)?

На эти вопросы можно ответить только применительно к одному виду ИВ – воздействию, которое причиняют смерть и страдания людям и наносит физический ущерб реально существующей инфраструктуре. В таком случае действуют известные запретительные нормы, регулирующие ведение боевых действий. При этом в международном праве вооруженные меры напрямую не увязываются с применением кинетической или химической энергии, или любых других средств и методов ведения войны, а также с характером причиняемых последствий. Скорее, происходит оценка последствий применения тех или иных видов средств поражения. Очевидно, что ущерб и страдания, причиняемые минным, кластерным, химическим и биологическим оружием, ввиду неизбирательного характера такого оружия, значительно серьезнее последствий применения стрелкового оружия. Очевидно, что и нелетальные виды оружия, несмотря на свой «нелетальный эффект», являются именно видами оружия, поскольку служат целям вывода из

стройка живой силы противника. В подобных случаях речь, таким образом, всегда идет о последствиях применения оружия. Вместе с тем международное право не дает ответ на вопрос о том, может ли информационное воздействие считаться законным применением силы, даже если оно прямо или косвенно влечет за собой ущерб и гибель людей.

До тех пор, пока мировое сообщество не придет к достижению консенсуса относительно единой схемы оценки правомерности применения силы в межгосударственных отношениях, любое осуждение или оправдание актов информационного воздействия/вмешательства должно происходить в рамках существующей системы принципов применения силы. Именно поэтому при попытках нормативной квалификации актов ИВ можно применять лишь общие принципы права, а не специальные нормы. В какой мере акты ИВ могут быть квалифицированы как меры военного принуждения, а не экономического давления? До настоящего времени в международном праве не было прецедентов рассмотрения правомерности использования информационных средств. Однако ряд положений решения Международного Суда по упомянутому «делу Никарагуа» может быть отчасти применен и к актам информационного воздействия. В решении по этому делу суд отметил, что наряду с вооружением и обучением никарагуанских «контрас», к «силовым» мерам могут быть отнесены и другие действия. Следовательно, линия разграничения между невоенными и силовыми мерами должна проходить, как минимум, между мерами экономического понуждения и использованием военной силы. Вопрос о точном прохождении такой линии размежевания остается, однако, открытым.

Возможно, в качестве отправной точки для упомянутого размежевания целесообразно отталкиваться от более осязаемого критерия, а именно, от последствий актов ИВ. Если они сходны или сравнимы по тяжести с результатами применения военной силы, то возможно задействование аналогичного понятийного и логического аппарата, имеющегося в предписаниях международного права и в моделях оценки эффективности применения формирований вооруженных сил. Основываясь на постулате о том, что благополучие человеческого существования всегда идет первым в иерархии общечеловеческих ценностей, экономическое и политическое понуждение можно разграничить с применением вооруженной силы на основе следующих критериев:

– Тяжесть последствий. Вооруженное нападение причиняет вред и ущерб в масштабах гораздо более значительных, чем другие виды принуждения.

– Немедленный, безотлагательный характер последствий. Наиболее серьезным отрицательным последствием применения вооруженной силы (или угрозы ее применения) является прямой, непосредственный характер последствий, в то время как иные формы принуждения реализуются государствами в значительно более длительные периоды времени. Таким образом, в случае развития военной фазы конфликта у его участников имеется меньше времени для разрешения ситуации и применения иных мер.

– Масштаб последствий. В случае проведения вооруженных действий, их прямые последствия (физический ущерб) сказываются, чаще всего, лишь в зоне непосредственного ведения боевых действий. В случае же экономического воздействия последствия противостояния могут быть более обширными.

– Измеримость (возможность оценки). Причиняемый боевыми действиями ущерб может быть оценен с высокой точностью, в то время как последствия применения иных форм вмешательства и давления труднее поддаются учету.

– Предполагаемая правомерность. Теория применения силы в

межгосударственных отношениях, за исключением явных случаев самообороны, определяет обращение к насилию как нежелательное и недопустимое. Вместе с тем формы насилия и вмешательства, не связанные с применением военных средств поражения, ни национальным, ни международным правом не осуждаются, а последствия их применения считаются допустимыми. Поэтому для оценки правомерности информационного воздействия возможно применение расширительного толкования положений теории применения силы.

– Возможность присвоения ответственности. Вооруженное принуждение является исключительной сферой деятельности государств, которые имеют право применять силу вне пределов своей государственной территории. Негосударственные акторы и международные организации могут осуществлять иные меры понуждения: бойкоты, эмбарго, пропагандистские кампании и т. д. В случае проведения актов ИВ возможности присвоения осуществляющему их государству международной ответственности сужаются, поскольку для причинения ущерба противнику такое государства совсем не обязательно использует элементы своей национальной инфраструктуры. Так же, как и в случае с диверсионно-террористической деятельностью, информационное воздействие может осуществляться индивидами или группами, которые не связаны с каким-либо государством, но используют для нападения его территорию и элементы инфраструктуры.

Таким образом, действующее нормативное регулирование различных форм применения силы (прежде всего, вооруженной) недостаточно для нормативного регулирования ИВ и относится, главным образом, к сфере обычного права. Связующим звеном между ИВ и существующим нормативным регулированием может служить подход, основанный на *сравнении ожидаемых последствий*. Согласно этому подходу, сравнение последствий актов ИВ с последствиями известных форм принуждения военными средствами и фиксация сходных результатов позволяет дать оценку тому, являются ли акты ИВ неправомерными и нарушающими международное право или находятся в рамках дозволенного. Кроме того, это дает возможность определить, являются ли ИВ новым, с точки зрения международного права, способом применения силы. Только такой подход позволит восполнить пробел в правовой регламентации информационных способов воздействия. Однако данная методология применима только в том случае, если существуют надежные методики оценки ущерба, причиняемого противнику в ходе планируемых актов, операций или кампаний информационного воздействия, совместимые с методиками оценок последствий обычных способов ведения боевых действий. Определяя сопоставимость ущерба, можно установить рамки правомерности или неправомерности актов информационного воздействия²⁹ до согласования на международном уровне новых нормативных подходов к оценке правомерности применения информационных средств.

Концепция учета последствий играет ключевую роль при анализе практики применения силы в межгосударственных отношениях, особенно если речь идет о вмешательстве во внутренние дела того или иного государства. Вооруженное принуждение может являться вмешательством во внутренние дела, а может таковым и не быть. И, наоборот, в определенный момент невоенное понуждение может превысить какой-либо политически обусловленный качественный (а не количественный) порог и быть приравнено к вмешательству во внутренние дела.

Таким образом, существуют определенные виды невоенного вмешательства, которые прямо запрещены положениями международных соглашений и сформировавшейся обычной практикой, исходя из масштаба причиненного

ущерба. Однако в целом нормативные рамки для квалификации применения конкретных видов силы в международном праве пока не сформулированы. Создатели Устава ООН не могли предвидеть возникновения средств ИВ. Кроме того, желание установить жесткие предписания для конкретных форм обращения к силе могло бы загнать ООН в тупик. Поэтому положения пункта 4 статьи 2 Устава ООН позволяют гибко подходить к спорным ситуациям. Такая гибкость возможна в связи с тем, что в ООН существует практика разрешения межгосударственных конфликтов, для урегулирования которых использовались военные средства в традиционном понимании. Так как до сих пор не сложилось общее понимание того, является ли информационное вмешательство применением силы, в рамках ООН не существует методологии разрешения таких конфликтов, а, следовательно, не представляется возможным определить соответствующие правила поведения государств.

Отдельные государства могут руководствоваться теми или иными политическими соображениями в процессе выбора ими вариантов противодействия актам информационного вмешательства. Однако зафиксированная Уставом ООН система принципов международной безопасности должна регулировать их поведение путем признания правомерности конкретных способов разрешения противоречий. Если существуют разногласия в понимании того, являются ли какие-либо информационные действия применением силы, то установление правомерности такого применения должно исходить из того, насколько последствия ИВ выходят за рамки, разрешенные международным правом. Таким образом, вопрос состоит не в определении правомерности действий, а в установлении стандарта неправомерности. Такой стандарт лишь отчасти может быть выведен из положений ряда международных договоров, определяющих повестку общечеловеческих ценностей. Он в большей степени проистекает из более гибкой практики государств, в ходе которой выявляются их общие интересы. При этом установление четкого перечня нежелательных действий может обернуться тем, что государства будут более свободны в принятии ответных мер уже силового характера. В целях квалификации информационных действий необходимо установление правового разграничения понятий «применение силы» и «вооруженное нападение» с тем, чтобы снизить вероятность обращения государств к силовым ответным действиям, исключая случаи реализации неотъемлемого права на самооборону в случае нападения (статья 51 Устава ООН).

Если ИВ не может с достаточной степенью достоверности быть квалифицировано как «вооруженное нападение» (исходя из оценки его последствий), то оно не должно приравниваться к собственно вооруженному нападению. При этом, даже если такое понимание будет принято в международной практике, оно отнюдь не оставит мировое сообщество безоружным. Согласно статье 39 Устава ООН,³⁰ Совет Безопасности может предпринимать силовые меры в ответ на те действия, которые составляют угрозу миру, даже не нарушая его. Однако в таком случае государства рискуют чрезмерно положиться на реакцию СБ ООН, так как до сих пор право вето, имеющееся у пяти его постоянных членов, часто не позволяло ООН адекватно отреагировать на угрозы безопасности.

Запрет на применение силы подтвержден положениями Устава ООН и в то же время является частью обычного международного права (ОМП). Обычное право имеет объективную и субъективную стороны: оно должно свидетельствовать о существовании последовательной государственной практики в течение длительного периода времени, причем число участников такой практики должно

было значительным. Данную практику международное сообщество должно признавать юридически полноценной (*opinio juris sive necessitates*).

Оценивая действия США в «деле Никарагуа», Международный Суд подтвердил, что запрет на применение силы существует в обычном праве и что США нарушили данный запрет. Интересно, что в данном случае при попытке обозначить условия наличия *opinio juris*, суд сослался на необязывающие резолюции Генеральной ассамблеи ООН. Проблема применения стандартов обычного права к ИВ состоит в том, что упомянутые стандарты и предписания Устава ООН не вполне тождественны ОМП, при всем кажущемся сходстве. Исследуя «дело Никарагуа», Международный Суд определил, что, «по вопросу использования силы ... США утверждают о полном совпадении соответствующих норм обычного международного права с положениями Устава ООН. Суд не принимает такую крайнюю точку зрения... Однако, ...Устав дал выражение... уже существовавшим в данной сфере международного обычного права принципам, и также в последующие четыре десятилетия право развивалось, опираясь на Устав, таким образом, что ряд включенных в Устав правил приобрел статус независимого от него [имеется в виду институт обычного права, существовавшего до принятия устава – прим. автора]». ³¹

В то время как согласие государств руководствоваться положениями того или иного международного договора может рассматриваться как согласие следовать приемлемым правилам толкования положений данного договора, условие *opinio juris sive necessitates* для ОМП и государственная практика со временем могут приводить к существенному расхождению между ранее совпадавшими нормами. Договор является более гибким и, одновременно, более жестким инструментом международного права, чем обычай. С одной стороны, его гибкость обусловлена чувствительностью к интерпретации в соответствии с меняющимися условиями применения, которые наблюдаются всегда, даже при отсутствии каких-либо изменений в практике государств. С другой стороны, жесткость договора заключается в том, что значения его положений не могут выходить за рамки принятого толкования, а для создания новых норм необходимо явно выраженное согласие других государств. Напротив, обычное право не ограничено в сфере применения и не может реагировать на изменяющиеся условия в отсутствие практики государств и свидетельства о его соответствии *opinio juris sive necessitates*.

Обычное право реагирует на изменения обстановки. Например, запрет на применение силы может быть адаптирован к использованию любого нового оружия таким же образом, как пункт 4 статьи 2 Устава ООН всегда применим к военно-силовому принуждению, а также в качестве стандарта обычного права. Действительно, поскольку решение по «делу Никарагуа» было основано на обычном международном праве, вполне возможно распространить концепцию применения силы на случаи прямой поддержки (вооружения или обучения) тех, кто ее использует. В практике государств не существует, однако, основы для такого расширительного толкования пределов понятия «вооруженная сила», тем более, что практика в сфере ИВ только лишь зарождается. Обычная норма, как правило, развивается с течением времени, и к настоящему моменту не существует явных свидетельств ни о практике, ни об *opinio juris* в упомянутой сфере.

Однако нельзя утверждать, что акты информационного воздействия, или вмешательства, находятся полностью вне сферы ОМП, регламентирующего применение силы. Подход к оценке учета последствий актов ИВ по аналогии с результатами применения традиционных форм использования силы может, во-

первых, расширить сферу применения договорного права. Во-вторых, применение норм обычного права к решению проблемы квалификации актов ИВ потребует их определения как новой формы ведения вооруженной борьбы. Это не представляется приемлемым вариантом: развитие технологий всегда параллельно порождает появление новых форм и методов ведения войны, однако это не привело к каким-либо изменениям ни в философии военного дела, ни в подходах к определению правомерности или неправомерности обращения к силе. Для того чтобы, с точки зрения международного права, можно было отнести акты ИВ к новому виду ведения вооруженной борьбы, необходимо, чтобы их последствия не были аналогичными последствиям применения существующих средств и методов ведения войны (особенно если это касается человеческих жертв и причинения ущерба собственности). Следовательно, акты ИВ является лишь узкой категорией в совокупности известных форм применения вооруженной силы.

ОМП также имеет значительный потенциал в оценке сущности актов ИВ. Попытки интерпретации содержания пункта 4 статьи 2 Устава ООН для квалификации ИВ как применения силы в межгосударственных отношениях не смогут выйти за пределы толкования существующих ограничений в системе принципов устава. Очевидно, что по прошествии определенного периода времени может возникнуть новая норма обычного права, регулирующая как сами правила осуществления актов ИВ, так и правовые характеристики такой формы применения силы. Однако в настоящее время довольно сложно определить то, насколько такая норма будет правомочной и регулятивной.

Запрет на применение силы имеет не только обычно-правовую основу. Комиссия международного права³² и Международный Суд³³ также определили его как *jus cogens* – «норму, которая принимается и признается всем международным сообществом государств как норма, от которой не допускается отклонения и которая может быть изменена только последующей нормой международного права общего характера».³⁴

По сути, нормы *jus cogens* являются обычными нормами в широком смысле, поскольку, в отличие от договорных норм, они не являются чувствительными к их неисполнению одной из сторон. Поэтому оценка актов ИВ в контексте *jus cogens* всегда будет носить обычно-правовой характер, но относиться только к данному рассматриваемому факту нападения, но не ко всем актам информационного вмешательства.

Следует учитывать, что акт ИВ, не нарушающий императивных, обычных или традиционных норм, которые регулируют применение силы, не обязательно совместим с международным правом и может быть приравнен к вмешательству во внутренние дела какого-либо государства. Как установил Международный Суд в «деле Никарагуа», «принцип, гарантирующий каждому государству право осуществлять свои внутренние дела без вмешательства извне, ... является неотъемлемой частью обычного международного права».³⁵

III. Проблема оценки правомерности информационного вмешательства

Проблема правомерности, или справедливости, обращения к ИВ крайне актуальна ввиду того, что применение такого воздействия находится в настоящее время на острие высокотехнологичных войн. Их особенностью является то, что сильные в военном отношении государства уже не могут вносить своей военной деятельностью ключевой вклад в развитие международного права. Их потенциальные противники, обладающие неразвитой информационной

инфраструктурой, не могут служить «достойным» объектом для актов ИВ. Напротив, чем сильнее развита информационная инфраструктура государства, тем она более уязвима для нападения со стороны менее технологически развитого противника. Понятия «принуждение» (в том виде, в котором его определяет международное право) постепенно приобретает иное качественное содержание: «слабый» в смысле развития информационных технологий может диктовать условия развития международного права высокотехнологичным и сильным в военном отношении державам.

Неравенство в доступе к технологиям уже не может служить основанием для запрета принуждения, осуществляемого с помощью применения различных способов ИВ. В деле о проливе Корфу Международный Суд, в ответ на заявление Великобритании о том, что ее корабли вошли в территориальные воды Албании с целью получения доказательств неправомерного поведения данного государства, постановил, что «вмешательство, в данном случае, является наименее желаемой формой действий, так как, если исходить из имевших место событий, оно станет привилегией наиболее сильных государств, что может привести к искажению самой сущности международной справедливости».³⁶ В новую технологическую эпоху такого неравенства уже не существует.

Как индивидуально, так и коллективно государства могут предпринимать меры в ответ на акты ИВ, достигающие уровня вооруженного нападения, в соответствии со статьей 51 Устава ООН и согласно их неотъемлемому праву на самооборону. Они также могут адекватно отвечать на акты ИВ, не достигающие уровня вооруженного нападения, но являющиеся составной частью действий, имеющих тенденцию к перерастанию в вооруженное нападение. Речь идет о том случае, когда самооборона является последним доступным эффективным средством из совокупности имеющихся у государства возможностей по отражению нападения, а ИВ является составной частью уже необратимых действий близкого по времени и неизбежного нападения.

Таким образом, единственное актуальное в настоящее время юридическое договорное ограничение информационного вмешательства состоит в том, что последствия актов ИВ не должны достигать уровня последствий применения таких средств и способов ведения войны, которые составляют угрозу миру и в этом качестве становятся предметом рассмотрения СБ ООН.

Неопределенность трактовки данного вопроса проистекает из процесса постоянного развития обычного права и возникновения новых норм, регулирующих ведение боевых действий. Очевидно, что ввиду совпадения интересов потенциальных участников информационного противоборства, возможно ускорение развития норм обычного права, ограничивающего применение силы вне рамок Устава ООН. Так как перечень тех задач, которые могут решаться в ходе ИВ, постоянно расширяется, параллельно с развитием технологий, соответствующие нормы международного гуманитарного права также должны развиваться. В настоящее время сложно предположить, какой характер будут иметь обычные нормы в этой сфере: станут ли они ограничивающими или будут допускать расширительное толкование понятия «применение силы». Основным политическим детерминантом формирования характера таких норм будет усиливающаяся асимметричность вооруженного и невооруженного противостояния, то есть рост роли «слабых» в военном отношении государств, которые будут стремиться к более приемлемому для них балансу в международных отношениях, в т. ч. с использованием средств и методов информационного вмешательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Док. ООН. A/RES/36/103. 9 декабря 1981 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/IMG/NR041219.pdf>. П. 1: «Ни одно государство или группа государств не имеет права осуществлять интервенцию или вмешательство в любой форме и по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела других государств».

² Док. ООН. A/RES/2131(XX). 21 декабря 1965 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml. П. 1: «Никакое государство не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела другого государства. Вследствие этого осуждаются не только вооруженное вмешательство, но также все другие формы вмешательства и всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных элементов».

³ U.S. Army War College Guide to National Security Issues. V. II: National Security Policy and Strategy. 3^d ed. / Ed. by J.B.Bartholomees. – Carlisle: Strategic Studies Institute, 2008. P. 128.

⁴ Док. ООН. A/RES/375(IV). 6 декабря 1949 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/375%28IV%29>; Док. ООН. A/RES/2625(XXV). 24 октября 1970 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2625%20%28XXV%29>; Документ ООН. A/RES/2734(XXV). 16 декабря 1970 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/2734%20%28XXV%29>; Документ ООН. A/RES/2131(XX). Ук. соч.; Документ ООН. A/RES/3314(XXIX). 14 декабря 1974 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/3314%20%28XXIX%29>.

⁵ Док. ООН A/RES/36/103. Ук. соч. П. II (а); Док. ООН A/RES/2131(XX). Ук. соч. П. 2.

⁶ Док. ООН A/RES/36/103. Ук. соч. П. II (с).

⁷ Там же. П. II (b).

⁸ Там же. П. II (d).

⁹ Там же. П. II (e).

¹⁰ Там же. П. II (f).

¹¹ Там же. П. II (g).

¹² Там же. П. II (h).

¹³ Там же. П. II (i).

¹⁴ Там же. П. II (j).

¹⁵ Там же. П. II (k).

¹⁶ Там же. П. II (l).

¹⁷ Там же. П. II (m); Док. ООН A/RES/2131(XX). Ук. соч. П. 2.

¹⁸ Док. ООН A/RES/36/103. Ук. соч. П. II (n).

¹⁹ Там же. П. II (o).

²⁰ Устав Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.

²¹ Schmitt M.N. Computer network attack and the use of force in international law: thoughts on a normative Framework // Columbia Journal of Transnational Law. V. 37. 1998–99, pp. 885–905.

---

²² Устав ООН. Ук. соч.

²³ Там же. Статья 51: «Настоящий Устав ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Меры, принятые Членами Организации при осуществлении этого права на самооборону, должны быть немедленно сообщены Совету Безопасности и никоим образом не должны затрагивать полномочий и ответственности Совета Безопасности, в соответствии с настоящим Уставом, в отношении предприятия в любое время таких действий, какие он сочтет необходимыми для поддержания международного мира и безопасности». URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/index.html>.

²⁴ Устав Организации американских государств. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902051>. Статья 18: «Никакое государство или группа государств ни при каких обстоятельствах не имеют права на прямое или косвенное вмешательство во внутренние или внешние дела любого другого государства. Вышеуказанный принцип относится не только к вооруженному вмешательству, но и к любой другой форме вмешательства или его попытке, намеренно имеющим целью посягнуть на личность государства или его политические, экономические и культурные органы». Статья 19: «Никакое государство не может предпринимать или способствовать применению принудительных мер экономического или политического характера в целях оказания давления на суверенную волю другого государства с тем, чтобы извлечь из этого какие-либо выгоды».

²⁵ Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях. Принята резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи от 18 ноября 1987 г. Док. ООН A/RES/42/22. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/useofforce_refraining.shtml.

²⁶ Там же.

²⁷ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits). Judgement of 27 June 1986. I.C.J. P. 4, 119. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>. Международный Суд в данном деле обращался к обычно-правовому запрету на использование силы и не применял ст. 2 п. 4, так как против применения Устава ООН возражали США на основании ст. 36 п. 2. Статута Международного Суда ООН.

²⁸ Согласно статье 41 Устава ООН, «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер. Эти меры могут включать полный или частичный перерыв экономических отношений, железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио или других средств сообщения, а также разрыв дипломатических отношений».

²⁹ Об основах методологии оценки правомерности «новых» средств и методов ведения военных действий см.: Коростелев С.В. О некоторых особенностях правового режима «новых» средств и методов ведения вооруженной борьбы // Управленческое консультирование. 2015. № 6(78). С. 50–57.

³⁰ Согласно статье 39 Устава ООН, «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

³¹ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits). Op. cit. P. 4, 96–97.

³² Report of the International Law Commission on the work of the second part of its seventeenth session. Monaco, 3–28 January 1966 // Yearbook of the International Law Commission 1966. – N.Y.: United Nations, 1967. V. II. P. 247. URL: <http://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/>

---

ilc_1966_v2.pdf. Комиссия международного права – вспомогательный орган Генеральной ассамблеи ООН, созданный с целью содействия развитию международного права и его кодификации. Она состоит из 34 юристов-международников, пользующихся признанным авторитетом в данной сфере и выступающих в личном качестве.

³³ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits). Op. cit. P. 4, 100.

³⁴ Венская конвенция о праве международных договоров. 23 мая 1969 г. Ст. 53.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

³⁵ Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Merits). Op. cit. P. 202.

³⁶ The Corfu Channel Case (Merits). Judgement of April 9, 1949. I.C.J.
URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/1/001-19490409-JUD-01-00-EN.pdf>. P. 35.